

Секция «Востоковедение, африканистика»

Мирные переговоры 1951 г. на Корейском полуострове: закономерность или советский трюк?

Садаков Денис Андреевич

Студент

*Вятский Государственный Гуманитарный университет, Исторический факультет,
Киров, Россия*

E-mail: aerodiz@43.ru

К весне 1951 г. боевые действия на Корейском полуострове стали принимать затяжной характер. И той, и другой противоборствующей стороной в бой были введены значительные людские и материальные резервы, в районе 38-ой параллели, где пролегла в этот период линия фронта, продолжались кровавые бои. Однако, ни войска Организации Объединённых наций, ни коммунисты не могли склонить чашу весов в свою сторону.

По всей видимости, именно в этот период коммунистические руководители Ким Ир Сен и Мао Цзэдун стали понимать, что выиграть эту войну вряд ли удастся. Росло недовольство и по другую сторону баррикад. Война затягивалась. Общественное мнение США требовало возвращения захваченных в плен американцев на родину. Давали о себе знать и значительные расходы на ведение боевых действий. К тому же на Западе распространялись слухи, что коммунисты ищут мира [1].

Спецификой ситуации являлось то, что Советский Союз в глазах мирового сообщества старался дистанцироваться от войны в Корее, хотя и оказывал решающее влияние на позицию северокорейского и китайского правительств. Диалог между СССР и США не мог развиваться открыто.

С санкции Москвы главой советской миссии в ООН Я.А. Маликом и его заместителем С.К. Царапкиным была проведена большая подготовительная работа по началу мирного процесса. Состоялись встречи с американскими представителями в ООН, а также с американским дипломатом, сотрудником Института перспективных исследований Дж. Кеннаном [2].

Важным шагом на пути к началу переговорного процесса по урегулированию конфликта стало выступление Я. А. Малика на радио ООН 23 июня 1951 г. в программе «Цена мира», где он коснулся необходимости прекращения огня в Корее. В ответ на это президент США Г. Трумэн заявил, что «мы, также как и всегда, готовы присоединиться к мирному урегулированию в Корее» [3]. Командующему войсками ООН в Корее – генералу Риджуэю было дано указание открыть переговоры с коммунистами, который 28 июня и направил последним радиogramму с указанным предложением. 30 июня Сталин лично распорядился немедленно дать положительный ответ американцам [4].

Итогом перечисленных выше дипломатических шагов стало открытие мирных переговоров 8 июля 1951 г. в г. Кэсоне с участием представителей войск ООН, руководства Корейской Народно-Демократической республики и командования Китайских народных добровольцев. Несмотря на то, что Москва не принимала в них непосредственное участие, инструкции из Кремля играли важнейшую роль в процессе принятия решений

правительствами Китайской Народной республики и КНДР. Представители коммунистического лагеря настаивали на немедленном прекращении огня, созданию 20-мильной буферной зоны по 38-й параллели, остановке процесса развёртывания новых воинских подразделений на Корейском полуострове, обмене военнопленными и создании контрольной комиссии из нейтральных стран [5]. Кроме того, Пекин настаивал на выводе всех иностранных войск из Кореи. Американцы не могли согласиться с подобными предложениями. Более того, серьезные разногласия возникли по поводу второстепенных проблем. В результате, начавшиеся переговоры зашли в тупик к концу августа 1951 г. из-за непреодолимых противоречий между сторонами по вопросам об определении демаркационной линии и обеспечению безопасности зоны переговоров [6].

Остаётся дискуссионным вопрос о причинах, побудивших И.В. Сталина дать добро на начало переговоров о мирном урегулировании. Естественно, обеспокоенность восточноазиатских союзников СССР была важным, но не ключевым мотивом для этого. Сами американцы в 1951 г. видели причины таких действий Кремля в том, что положение дел на фронте поставило Советский Союз перед выбором – оказывать всё больше и больше помощи Северной Корее или смириться с размещением американских войск вблизи своих границ [7]. С этой точки зрения заключение перемирия было бы логичным выходом из возникшей непростой ситуации. В монографии «Россия, Советский Союз и Соединённые Штаты» историк Дж. Гэддис оценил факт начала переговоров как свидетельство желания сверхдержав не допускать дальнейшего разрастания масштабов конфликта в Корее [8]. В работе «Холодная война, холодный мир» исследователя А. Вайсбергера переговоры о перемирии расцениваются как "странное явление происходившее на фоне непрекращающейся войны [9].

Рассматривая Корейскую войну как инструмент внешней политики СССР, можно предположить, что переговоры о перемирии могли быть способом регулирования интенсивности и характера боевых действий с целью дальнейшего затягивания конфликта. Благодаря начавшимся переговорам стороны стали проводить операции, нацеленные на получение локального преимущества в ходе диалога, что лишь изматывало их участников, но не меняло стратегического баланса сил. Стабилизация фронта вдоль 38-ой параллели вполне отвечала интересам Советского Союза. В пользу эффективности данной тактики говорит и то, что в Совете национальной безопасности США отмечали, что Советский Союз значительно усилился в военном отношении с 1950 г. [10]. Вместе с тем начавшиеся мирные переговоры имели важный пропагандистский эффект, одновременно демонстрируя готовность советского блока к диалогу и слабость американцев, первыми инициировавших его начало. Не следует забывать и о том, что в сентябре 1951 г. должно было состояться подписание мирного договора с Японией в Сан-Франциско, в связи с чем, по оценке специалистов Центрального разведывательного управления США, закрытие мирных переговоров в Кэсоне могло рассматриваться как способ давления на Соединённые Штаты [11]. Однако, в Вашингтоне возобладала точка зрения о возможности конструктивного диалога с коммунистами, и, вскоре после остановки переговоров заместитель государственного секретаря Дж. Уэбб инструктировал посольство США в Москве о необходимости убедить Кремль в целесообразности их возобновления [12].

Таким образом, начавшиеся в 1951 г. переговоры о перемирии, несмотря на свою скорую приостановку, оказали значительное влияние на ход корейского конфликта. На-

чатые под влиянием тяжёлого положения, сложившегося в ходе боевых действий, они были в значительной степени использованы Сталиным для достижения собственных внешнеполитических целей. Вместе с тем, тупик на переговорах показал всему миру, что скорое завершение боевых действий в Корее невозможно. Кровопролитная война продолжалась. Однако, высокая заинтересованность в мире КНР, КНДР и США с одной стороны, а также желание Сталина и дальше использовать переговоры в своих целях с другой, уже в скором времени заставили противоборствующие стороны вернуться к переговорам, которые были возобновлены в середине октября 1951 г.

Литература

1. Стьюк У. Корейская война. М., 2002. С. 355.
2. См. подробнее: Foreign relations of United States (FRUS) 1951. Vol. 8. Part 1. P. 404; Ibid., P. 484-485.
3. FRUS 1951. Vol. 7. Part 1. P. 547.
4. Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М., 2008., P. 78.
5. Bajanova N. Assessing the conclusion and outcome of the Korean war. 1995. P. 2.
6. Торкунов А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950-1953 годов. М., 2000. С. 220-221.
7. FRUS 1951. Vol. 1. P. 856.
8. Gaddis J.L. Russia, Soviet Union and the United States: an interpretive history. NY, P. 204.
9. Weisberger B. Cold War, cold peace: the United States and Russia since 1945. Rockville, 1984. P. 150.
10. FRUS 1951. Vol. 1. P. 130.
11. CIA FOIA – Special Collections: Korean War. <http://www.foia.cia.gov/KoreanWar/IntelligenceMemos/1951-1954/1951-08-23.pdf> . P. 4.
12. FRUS 1951. Vol. 7. Part 1. P. 988.